

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-11-1
УДК 355.01

ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ И ФУНКЦИИ ВОЙНЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Новожилова Е.О.

Среди культурно обусловленных видов человеческой деятельности война предстает как устойчивый феномен. Подход, сложившийся в отечественной научной литературе, рассматривает войну упрощенно, акцентируя внимание на ее негативных последствиях: разрушении и уничтожении. Вместе с тем война представляет собой многомерное явление, требующее всестороннего анализа, в том числе социально-экологического. Истоки войны лежат в сфере культуры и никак не связаны с биологической природой человека. Война уходит корнями в эпоху палеолита, хотя настоящие войны появляются только в сложных стратифицированных обществах, производящих прибавочный продукт. Войны имеют различную причинность. Главной является борьба за власть, поскольку власть позволяет присваивать продукты труда других людей и целых обществ. В прошлом война сыграла определенную эволюционную роль. Долгое время она обеспечивала селективное распространение культурной информации и отбор более крупных и жизнеспособных социальных коллективов. Завоевательные войны увеличивали размеры обществ, расширяли ареал культурной однородности. Создание гомогенных культурных зон и мир, устанавливающийся в их пределах, способствовали кооперации и сотрудничеству все большего числа людей.

Ключевые слова: война; истоки войны; причины войны; функции войны; социально-экологический анализ.

SOURCES, CAUSES AND FUNCTIONS OF WAR: SOCIO-ECOLOGICAL ANALYSIS

Novozhilova E.O.

Among culturally determined types of human activity war stands out as a constantly reverting phenomenon. In Russia researchers tend to regard war in a somewhat simplistic way

emphasizing its negative consequences and laying stress exclusively on ensuing destruction or annihilation. In fact, the multidimensional character of the phenomenon of war should be analyzed in all its complexity, and particularly so in its socio-ecological aspect. Having its sources in the cultural sphere of human activity, war has nothing to do with the biological nature of human beings. Though the roots of the phenomenon of war go as far back as to the Paleolithic era, it was only with the advent of the surplus product in complex stratified societies that wars started for good. Struggle for power proved to be the main cause of wars unleashed by powers that be to usurp labour products produced by other people and by whole societies. In the past, wars definitely played a certain evolutionary role. For quite a long period of time they went hand in hand with selective spreading of cultural information which assured the survival of the largest and fittest social entities. Wars of conquest stimulated the process of growth of such entities with the parallel process of expanding cultural uniformity. The resulting cultural homogeneity and peace reigning within the new boundaries contributed to cooperation of ever growing number of people.

Keywords: *war; sources of war; causes of war; functions of war; socio-ecological analysis.*

Война является одним из устойчивых видов социальной деятельности человека. Она присутствует всегда, даже на «нулевом» уровне истории [2, с. 62]. Менялись цели войны, охват военных действий, стратегия и тактика воюющих, виды вооружения, масштаб и характер разрушительных последствий, но люди воевали всегда.

Истоки войны

Истоки войны обнаруживаются в палеолите, а предпосылки для ее возникновения – групповая территориальность, использование оружия, неприязнь к чужакам и умственные способности, необходимые для выработки совместных планов, по-видимому, были присущи уже ранним гоминидам [4, с. 543]. Но, ни эти «начинающие воители», ни первобытные племена не знали разрушительной войны в ее типичном для человека проявлении. Их «военнообразная деятельность» была войной по форме, а не по сути [9, с. 25]. Она не имела формальных признаков настоящей войны: борьбы за власть и экономических целей, связанных со стремлением нападающей стороны за счет побежденных повысить уровень жизни.

В первобытном обществе война являлась одним из типов межгрупповых контактов [6, с. 405]. Она выливалась в вооруженные столкновения, внезапные рейды или перманентную вялотекущую вражду. Военные конфликты, как правило, не сопровождались намеренной жестокостью или массовыми убийствами.

Палеолитическим группам приходилось бороться не столько друг с другом, сколько с природой, отвоевывая у нее средства существования. В противостоянии враждебной окружающей среде первобытные общества – кровнородственные по сути – должны были выработать коммунальные и эгалитарные основания. Только таким образом наш вид мог «рассчитывать» на самосохранение в палеолитические тысячелетия [29, р. 40]. Но на этих основаниях не могли строиться истинные властные отношения.

У первобытных народов не было экономической заинтересованности в войне. Присваивающая экономика не создавала прибавочного продукта. Ресурсы соседствующих групп мало различались по ассортименту, а преимущественно мобильный образ жизни не давал возможности создавать большие запасы или повышать материальное благополучие. Конфликты оказывались результатом накопления личных обид, а не выражением групповых претензий или притязаний. Поводом для конфликтов в первобытных обществах служили месть за кровь, умыкание женщин, обвинение в колдовстве, неуважение к мертвым, оскорбления и сплетни [3. Т. 1, с. 76; 27, р. 110; 34, р. 386].

В первобытных обществах войны выполняли не только карательную функцию, связанную с поддержанием социального порядка. Они могли регулировать динамику населения, снимать внутригрупповое напряжение, обеспечивать группе доступ к ресурсам, расширяя подконтрольную ей территорию, или создавать «ничейные» земли. Очевидно, что результаты войны иногда способствовали сохранению экологического равновесия. Но это был лишь побочный результат первобытных войн, а не их цель. Их главное назначение состояло в восстановлении баланса сил.

Большинство авторов, рассматривавших первобытные войны, приписывали им демографическую функцию. Так, Ардри считал, что в первобытности война способствовала равномерному распределению людей по территории [15; 16, pp. 205, 211]. Согласно гипотезе Харриса, с войной было связано формирование сложного механизма, подавлявшего рост населения. Война должна была сделать мужчин социально более ценными, поскольку успех в ней зависел от численности сильных бойцов, которыми располагала та или иная группа. Таким образом, война превратила практику детоубийства в селективную, а военные действия косвенно влияли на численность женщин и тем самым на размеры человеческих групп [23, pp. 50-52]. На существовании обусловленного непрерывными войнами комплекса мужского шовинизма, узаконившего практику детоубийства девочек, настаивает и Михаэль Хоффман [24, р. 35].

Селективное детоубийство девочек в первобытных обществах представляется нам маловероятным. Практика умыкания женщин была распространена чрезвычайно широко и служила

одним из главных поводов к развязыванию войны. Конечно, к этой практике могли бессознательно прибегать для снижения инбридинга. Но, с другой стороны, женщины были единственным постоянным «трофеем» первобытных войн. Их захват на фоне пренебрежения иной материальной добычей и редкого отторжения у побежденных родовой территории указывает на ту особую ценность, которая придавалась женщине в первобытных обществах.

Женщины, как и мужчины, служили производительной силой, но, в отличие от мужчин, они были еще и воссоздателями новой рабочей силы [12, с. 72]. Роль женщин как средства воспроизводства делала их захват весьма желательным, а их потеря рассматривалась как существенный материальный ущерб. Мужчин не умыкали.

При общей малочисленности палеолитического населения гибель даже небольшого числа людей могла регулировать его размеры, способствуя тем самым поддержанию экологического равновесия. Однако, на наш взгляд, «демографическое» объяснение первобытных войн не выдерживает серьезной критики. В таких обществах человеческая жизнь ценилась крайне низко. Тем не менее, действовали различные механизмы, ограничивавшие не только общий ущерб от военных действий, но и людские потери. Женщины, дети, престарелые и одинокие обычно освобождались от участия в военном конфликте. Устные соглашения между группами устанавливали место и условия проведения войны, а также время ее начала и окончания [3. Т. 1, с. 76]. Сезонность и перерывы в военных действиях снижали ущерб от них [27, р. 140]. Военные действия носили непродолжительный характер, поскольку практически все взрослые были заняты добычей средств существования. Прекращала боевые действия и необходимость выполнить те или иные ритуалы. Высокую ритуализацию войны можно считать одним из самых важных средств ограничения ее масштабов и разрушительных последствий [26, р. 387].

Помимо этого масштабы и разрушительные последствия первобытных войн ограничивались господствующей технологией, определявшей, чем люди воюют. Первые технологии были улучшающими, сводившимися к механической обработке. Используя их, люди могли изменить лишь внешние характеристики того, что находили в природе. Орудия труда и оружие представляли собой обтесанные и сколотые камни, заостренные или зазубренные палки, а в более сложных комбинациях – соединение того и другого. Луки, стрелы и копья с каменными или костяными наконечниками превратили людей в более-менее удачливых охотников, но разрушительный потенциал такого оружия оставался крайне низким. Его использование не причиняло заметного ущерба окружающей среде.

Оружие каменного века – примитивное и неспециализированное – не могло вызвать массового истребления людей. Оно определяло форму военных действий. Большинство столкно-

вений сводилось к индивидуальным поединкам. Нередко первая же смерть служила сигналом к прекращению вооруженного конфликта. Кроме того, в боевых действиях погибали преимущественно мужчины. Сокращение численности мужчин, если оно и происходило, не оказывало существенного влияния на динамику населения. Меньшая доля мужчин по сравнению с женщинами может обеспечить не только простое, но и расширенное воспроизводство. В особенности, если общество практикует промискуитет.

Первобытные войны обычно не сопровождались порабощением. Победители могли захватывать пленников, используя их затем для жертвоприношений [9, с. 26]. В порабощении же не было экономической целесообразности. Присваивающее хозяйство – равно как и самодостаточные деревенские общества – не позволяет интенсифицировать производство, не истощая при этом свою ресурсную базу. Так что дополнительные рабочие руки не были нужны [6, с. 203].

Первобытность характеризуется преимущественно мобильным образом жизни, а значит, отсутствием у людей территориальной идентичности. Многие первобытные группы считали территориальные границы раз и навсегда данными, так что защита или завоевание территории не представляли для них сколько-нибудь серьезной проблемы [3. Т. 1, с. 74, 75]. Скудность ресурсов и их непредсказуемость могли обострять территориальность, надежность и обилие – расхолаживать. Растительные ресурсы притягивали к месту, животные могли создавать противоположную тенденцию. Очевидны две вещи. Во-первых, любая группа имела более-менее определенную территорию, которую она использовала как свою и перемещалась по ней в соответствии с сезонными циклами. Во-вторых, жесткая территориальность, предполагающая владение и исключение других, у живущих присвоением даров природы отсутствовала [20, р. 65].

Первобытные общества не затевали войн ради захвата территории и обеспечения себе доступа к тем или иным ресурсам. При отсутствии территориальных границ, частной собственности и продуктов производства, в условиях меняющегося состава групп и ресурсной однородности соседних естественных экосистем в этом не было необходимости. Имеющиеся многочисленные примеры «территориального» поведения свидетельствуют о противоположном феномене: не пользоваться чужой территорией.

Родовая территория считалась местом обитания духов предков. Опасаясь мести с их стороны, победители избегали селиться на чужой территории [6, с. 357]. Вода и пища, происходившие с территории врага, нередко считались опасными для жизни. Так что нападавшие могли брать с собой в поход провизию [3. Т. 1, с. 127]. Иногда чужая территория осваивалась победителями, но только после проведения особых ритуалов [6, с. 406].

Первобытные войны могли эпизодически рассеивать население по более обширному пространству или распределять его более равномерно. Мы полагаем, что с такой же вероятностью они могли время от времени создавать и поддерживать «ничейные» земли. В экосистемах эти исключенные из пользования территории служили своеобразными заповедниками, резерватами для воспроизводства животных и растений. Неиспользуемые земли выполняли экологическую функцию восстановления биологических ресурсов. Для сохранения равновесия в обществах, живущих присвоением даров природы, она была не менее важна, чем различные формы популяционного контроля. В создании буферных земель проявлялась наша групповая территориальность, порождающая межгрупповую конкуренцию. При этом люди вели себя как соперники, а не как враги. В ряде источников содержатся косвенные указания на роль войны в создании таких заповедных зон [28, р. 247; 23, р. 47; 18, р. 186].

Причины войны

Тот факт, что люди воевали всегда, позволяет ряду авторов искать биологические истоки войны, приписывая человеку инстинкт смерти [14, с. 265], инстинкт разрушения [5, с. 23] или считая склонность к войне негативным развитием внутривидовой агрессии, свойственной как животным, так и человеку [10, с. 36-37, 49].

Любое животное, чтобы существовать, должно разрушать чью-то жизнь. В природе отношения между многими видами являются отношениями хищника и жертвы. Однако дарвиновская борьба за существование проявляется не столько как межвидовая борьба, сколько как конкуренция внутри вида. Внутривидовая конкуренция острее межвидовой, но она лишена жестокости. У животных в ходе эволюции сформировались механизмы торможения, предотвращающие убийство. Проигравшие в ритуальных турнирах не истребляются, они изгоняются на другую территорию или исключаются из размножения. Победители получают возможность передать свои гены потомству. Экологическая функция внутривидовой конкуренции заключается в поддержании равновесия между численностью и ресурсами, то есть служит биологическому выживанию особей и эволюционному успеху вида.

В естественных условиях некоторые виды животных довольно часто убивают своих детенышей, иногда – взрослых собратьев, а в редких случаях прибегают к каннибализму [4, с. 543-544; 18, р. 177]. Людям также свойственны все эти смертоносные проявления агрессивного поведения. Но не всякая деятельность, связанная с убийством других людей, может считаться войной. Войны ведутся между обществами, а не между индивидами [32, р. 129]. Они представляют собой вооруженные межгрупповые конфликты [33, р. 22]. «Войны – это специфическое

социальное явление ... они означают организацию насильственных действий противостоящими друг другу сообществами» [1, с. 409].

В конкретных человеческих обществах частота и интенсивность военных действий высоко вариабельны. Общества, живущие за счет даров природы, меньше склонны к войне, чем общества, занятые производственной деятельностью. Бедные общества воюют реже по сравнению с более богатыми, а потому более сильными. Изолированные и самодостаточные общества характеризуются большим миролюбием, а открытые – экспансионистские по природе – обращаются к войне как к средству достижения своих целей гораздо чаще. Широкая вариабельность частоты и интенсивности военных действий в человеческих обществах не позволяет объяснять происхождение войны природными наклонностями человека [23, р. 46]. Вариации вызваны культурными, а не биологическими различиями. Истоки войны лежат в сфере культуры [31, pp. 1412-1415].

Нередко война рассматривается как производная от охоты [17; 18, р. 182; 23, р. 41]. На первый взгляд их многое объединяет. Оба вида деятельности являются коммунальными, требующими сходных навыков планирования и организации. На охоте и в вооруженных конфликтах использовалось одно и то же оружие. Нападавшие часто прибегали к охотничьим приемам [21, р. 171] и рассматривали своих жертв как добычу, а не как людей [3. Т. 1, с. 138].

Вместе с тем столкновение между хищником и добычей вообще не является борьбой в подлинном смысле этого слова. «Охотничье ружье похоже на армейский карабин, но внутренние истоки поведения охотника и бойца совершенно различны» [10, с. 32]. «Охотничья гипотеза» происхождения войны может объяснить зарождение военного искусства, но она не позволяет понять, почему на смену биологическому механизму внутривидовой конкуренции, адекватно поддерживающему экологическое равновесие, пришла война с ее массовым и целенаправленным уничтожением представителей своего вида и с ее беспрецедентной жестокостью.

Убийство животными сородича представляет исключение из общего правила, сложившегося в процессе биологической эволюции. Оно гласит: не убивай несущих ту же информацию. Это правило распространяется и на человека: люди не убивают себе подобных. Однако в человеческих группах подобие строится не столько на генетической основе, сколько на основе культурной идентичности. Биологическое родство имеет важное значение, но приверженность разным культурным ценностям может сделать кровных родственников врагами. Культура – а не гены – создает наиболее мощные полюсы притяжения и проводит наиболее отчетливые разделительные линии. В силу того, что разные культуры владеют неодинаковой информацией, человек – единственный из всех живых существ – обрел способность вести войны внутри своего вида [8, с. 65-66].

Принадлежащие другой культуре часто воспринимаются как другой биологический вид. Культурная эволюция, закрепляющая глубинные различия между людьми, породила процесс псевдовидообразования. В своей крайней форме он приводит к «дегуманизации» чужаков, позволяя обращаться с ними совсем иначе, чем с членами своей группы. Только человеку свойственно массово уничтожать представителей своего вида, пытаясь обратить их к своей культурной практике. Питирим Сорокин считал несовместимость причиной войны в сношениях между обществами [13, с. 141].

Культурная несовместимость является важным и устойчивым поводом для враждебности. Но враждебность далеко не всегда выливается в агрессивное поведение, а тем более в военные столкновения. Мы полагаем, что невозможно выделить какую-то одну причину, исправно объясняющую войну не только как феномен, но и в ее разнообразных исторических проявлениях. На множественной каузальности войны настаивает целый ряд авторов [см., например: 19; 22, pp. 105-106; 30]. И все же одна причина, как нам представляется, присутствует всегда. Это – власть.

В мире животных внутривидовая конкуренция позволяет выстраивать и поддерживать иерархические структуры, а значит, – порядок в группах. Доминирование основывается на силе или на опыте и никогда не передается по наследству. В неэгалитарных человеческих обществах иерархические структуры выстроены властными отношениями. Власть позволяет одним людям контролировать время и труд других людей, следовательно, присваивать созданные ими материальные блага. Кроме того, власть увеличивает шансы на передачу биологической и – что более важно – культурной информации. В отличие от доминирования власть может наследоваться, принадлежать группе, быть персонифицированной или обезличенной. Война, как видоспецифическая форма коммунального поведения не имеющая аналогов в природе, обусловлена стремлением к власти и борьбой за нее.

Функции войны

Будучи наиболее жестоким человеческим опытом, война, тем не менее, неотделима от эволюции [25, p. 65]. Но эволюционную роль войны невозможно оценить однозначно. С одной стороны, война должна была устранять слабых, давать преимущество сильным и повышать сплоченность человеческих групп. Действуя на групповом уровне, она была своеобразной формой естественного отбора наиболее сильных и централизованных коллективов [7, с. 199]. С другой стороны, война расточала людские ресурсы и материальные средства, уничтожала биологическую и культурную информацию, которая могла оказаться полезной для нашего

вида в целом. Нередко она усугубляла дивергентное культурное развитие и псевдовидообразование. Представляя собой межгрупповые конфликты, война могла через геноцид способствовать групповому отбору.

Физическая сила и другие индивидуальные биологические особенности погибавших и оставшихся в живых значили мало для социального вида, развитие которого очень рано начало определяться культурой. Вероятно, более важным стало селективное распространение культурной информации посредством войны. Одни культуры получали преимущество над другими, расширяли свою территорию и увеличивали ресурсную базу. Другие терпели поражение, лишались территории и средств существования.

Мы полагаем, что войне принадлежит еще одна важная функция. В истории человечества война долгое время была главным механизмом перераспределения прибавочного продукта между обществами. Вступая в войну, общество стремилось повысить свой уровень жизни, создать материальные предпосылки для распространения собственной культуры. Война давала победителям дополнительный продукт в виде награбленного добра, дополнительную рабочую силу и дополнительную территорию для экстенсивного развития, а позже – необходимые сырьевые ресурсы и рынки сбыта. Сходных взглядов придерживается автор «Экологии войны» [11, с. 20].

Эволюционный успех вида оценивается его способностью увеличивать свою численность и расширять ареал. Успех той или иной культуры оценивается продолжительностью ее существования, способностью увеличивать число своих приверженцев и расширять свой культурный ареал. Война стала групповой формой поведения, основанной на информационной схеме, оказавшейся весьма успешной в своем воспроизводстве и распространении. В войне человеческая культура обрела механизм, дублирующий биологическую эволюцию и отчасти ее заменивший. Победители получали возможность распространять свою биологическую информацию. Но гораздо важнее то, что военные победы позволяли им упрочивать и распространять свою культуру и свой образ жизни. Успех в культурной эволюции сопутствовал тем, кто воевал лучше других [8, с. 167].

Расширяя ареал культурной однородности, войны расширяли и территорию мира. В человеческих группах очень рано установились двойные стандарты в отношении «своих» и «чужих». Подозрительность и враждебность к чужакам контрастировала с открытостью и миролюбием между членами группы. На этой основе вырастали сплоченность и сотрудничество. Войны завоевания увеличивали размеры обществ, пополняли ряды «своих». Отношения в крупных обществах становились более формальными, на смену традициям приходили законы. Безу-

ловно, значительная часть населения соблюдала их через принуждение. Вместе с тем создание гомогенных культурных зон и мир, устанавливающийся в пределах этих территорий, сделали возможными кооперацию и сотрудничество все большего числа людей, а тем самым придали ускорение развитию человеческой культуры.

Список литературы

1. Арон Р. Мир и война между народами / Под общ. ред. Даниленко В.И. – М.: NOTA BENE, 2000. 879 [1] с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. – М.: Издательство «Весь мир», 2006. 592 с.
3. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. / сб. – М.: ИЭИА, 1994. Т. 1. 176 с.
4. Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / Пер. с англ. – М.: Мир, 1992. 670 с., ил.
5. Дуглас У.О. Трехсотлетняя война. Хроника экологического бедствия / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. 240 с.
6. История первобытного общества: в 3 т. Т.2. Эпоха первобытной родовой общины / В.П. Алексеев, Ю.И. Семенов, Л.А. Файнберг и др. – М.: Наука, 1986. 578 с.
7. Крадин Н.Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 192-210.
8. Кууси П. Этот человеческий мир / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1988. 368 с.
9. Лавров Л.И. О первобытной войне // Ленинградское отд-е ИЭ АН СССР. Тезисы докладов годичной научной сессии. – Л.: Наука, 1969. С. 25-28.
10. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / Пер. с нем. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994. 272 с.
11. Мамин Р.Г. Экология войны (исторические факты, прогнозы и версии). – М.: Экономика, 2011. 493 с.
12. Роуз Ф. Аборигены Австралии: традиционное общество / Пер. с англ. Е.В. Говор. – М.: Прогресс, 1989. 318, [1] с.
13. Сорокин П. Причины войны и условия мира // Социс. 1993. N12. С. 140-148.
14. Фрейд З. Почему война? // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1992. С. 257-269.

15. Ardrey R. *The Territorial Imperative*. – London: Collins, 1966. 390 p.
16. Ardrey R. *The Social Contract*. – London: Collins, 1970. 405 p.: il.
17. Ardrey R. *The Hunting Hypothesis*. – New York: Athenium, 1976. 242 p.
18. Barash D.P. *The Hare and the Tortoise: Culture, Biology and Human Nature*. – New York: Penguin, 1987. 351 p.
19. Blainly G. *The Causes of War*. 3-d ed. – New York: Free Press, 1988. xii, 325 p.
20. Boyden S. *Western Civilization in Biological Perspective: Patterns in Biohistory*. – Oxford: Clarendon Press, 1987. xi, 370 p.
21. Eibl-Eibesfeldt I. *The Biology of Peace and War*. – New York: The Viking Press, 1979. 294 p.
22. Gray C.H. *Postmodern War: The New Politics of Conflict*. – London: Routledge, 1997. 312 p.
23. Harris M. *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*. – New York: Random House, 1977. 255 p.
24. Hoffman M.P. *Prehistoric Ecological Crisis* // Bilsky L.J. (Ed.). *Historical Ecology. Essays on Environment and Social Change*. – Port Washington, N. Y.; London: National University Publications. Kennikat Press, 1980. Pp. 33-41.
25. Karsh E. *The Causes of War* // Freedman L. (Ed.). – War. Oxford; New York: Oxford University Press, 1994. Pp. 65-68.
26. Keegan J.A. *A History of Warfare*. – New York: Knof, 1994. 432 p.
27. Rappaport R.A. *Pigs for Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People*. – New Haven; London: Yale University Press, 1967. xx, 311 p.
28. Russell C., Russell W.M.S. *The Natural History of Violence* // Otten C.M. (Ed.). *Aggression and Evolution*. – Lexington, Mass: Xerox, 1973. Pp. 240-273.
29. Stavrianos L.S. *Lifelines from Our Past: A New World History*. – New York: Pantheon Book, 1992. 278 p.
30. Suganami H. *On the Causes of War*. – Oxford, England: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996. vii, 235 p.
31. Tinbergen N. *On War and Peace in Animals and Man* // *Science*, 1968. Vol.160. Pp. 1411-1418.
32. White L.A. *The Science of Culture*. – New York: Farrar & Straus, 1949. 444 p.
33. Wright Q. *A Study of War*. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 474 p.
34. Wright Q.A. *War* // Sills D.L. (Ed.). *International Encyclopedia of the Social Sciences*. – New York: Macmillan and Free Press, 1968. Vol. 10. Pp. 386-395.

References

1. Aron R. Mir i vojna mezhdu narodami. – M.: NOTA BENE, 2000. 879 [1] p.
2. Brodel' F. Material'naja civilizacija, e'konomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhoe i nevozmozhnoe. – M.: izdatel'stvo «Ves' mir», 2006. 592 p.
3. Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva: v 2 t. / Sb. – M.: IE'IA, 1994. T. 1. 176 p.
4. Gudoll Dzh. Shimpanze v prirode: povedenie. – M.: Mir, 1992. 670 p., il.
5. Duglas U.O. Trehsotletnjaja vojna. Chronika e'kologicheskogo bedstvija. – M.: Progress, 1975. 240 p.
6. Istorija pervobytnogo obshhestva: v 3 t. T. 2. E'pocha pervobytnoj rodovoj obshhiny. – M.: Nauka, 1986. 578 p.
7. kradin N.N. Struktura vlasti v gosudarstvennyh obrazovanijach kochevnikov // Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravlenija i vlasti. – M.: Nauka. Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literayura», 1993. Pp. 192-210.
8. Kuusi P. E'tot chelovecheskij mir. – M.: Progress, 1988. 368 p.
9. Lavrov L.I. O pervobytnoj vojne // Leningradskoe otd-e IE' AN SSSR/ Tezisy dokladov godichnoj naychnoj sessii. – L.: Nauka, 1969. Pp. 25-28.
10. Lorenc K. Agressija (tak nazyvaemoe «zlo»). – M.: Izd. Gruppya «Progress», «univers», 1994. 272 p.
11. Mamin R.G. Ekologija vojny (istoricheskie fakty, prognozy i versii). – M.: E'konomika, 2011. 493 p.
12. Rouz F. Aborigeny Avstralii: trdicionnoe obshhestvo. – M.: Progress, 1989. 318, [1] p.
13. Sorokin P. Prichiny vojny i usloviya miraПричины войны и условия мира // Socis. 1993. N 12. Pp. 140-148.
14. Frejd Z. Pochemu vojna? // Frejd Z. Psichoanaliz. Religija. Kul'tura. – M.: renessans, 1992. Pp. 257-269.
15. Ardrey R. The Territorial Imperative. – London: Collins, 1966. 390 p.
16. Ardrey R. The Social Contract. – London: Collins, 1970. 405 p.: il.
17. Ardrey R. The Hunting Hypothesis. – New York: Athenium, 1976. 242 p.
18. Barash D.P. The Hare and the Tortoise: Culture, Biology and Human Nature. – New York: Penguin, 1987. 351 p.
19. Blainly G. The Causes of War. 3-d ed. – New York: Free Press, 1988. xii, 325 p.
20. Boyden S. Western Civilization in Biological Perspective: Patterns in Biohistory. – Oxford: Clarendon Press, 1987. xi, 370 p.
21. Eibl-Eibesfeldt I. The Biology of Peace and War. – New York: The Viking Press, 1979. 294 p.

22. Gray C.H. Postmodern War: The New Politics of Conflict. – London: Routledge, 1997. 312 p.
23. Harris M. Cannibals and Kings: The Origins of Cultures. – New York: Random House, 1977. 255 p.
24. Hoffman M.P. Prehistoric Ecological Crisis // Bilsky L.J. (Ed.). Historical Ecology. Essays on Environment and Social Change. – Port Washington, N. Y.; London: National University Publications. Kennikat Press, 1980. Pp. 33-41.
25. Karsh E. The Causes of War // Freedman L. (Ed.). – War. Oxford; New York: Oxford University Press, 1994. Pp. 65-68.
26. Keegan J.A. A History of Warfare. – New York: Knof, 1994. 432 p.
27. Rappaport R.A. Pigs for Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. – New Haven; London: Yale University Press, 1967. xx, 311 p.
28. Russell C., Russell W.M.S. The Natural History of Violence// Otten C.M. (Ed.). Aggression and Evolution. – Lexington, Mass: Xerox, 1973. Pp. 240-273.
29. Stavrianos L.S. Lifelines from Our Past: A New World History. – New York: Pantheon Book, 1992. 278 p.
30. Suganami H. On the Causes of War. – Oxford, England: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1996. vii, 235 p.
31. Tinbergen N. On War and Peace in Animals and Man // Science, 1968. Vol.160. Pp. 1411-1418.
32. White L.A. The Science of Culture. – New York: Farrar & Straus, 1949. 444 p.
33. Wright Q. A Study of War. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 474 p.
34. Wright Q.A. War // Sills D.L. (Ed.). International Encyclopedia of the Social Sciences. – New York: Macmillan and Free Press, 1968. Vol. 10. Pp. 386-395.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Новожилова Елена Олеговна, кандидат биологических наук, доцент, докторант кафедры теории и истории социологии ф-та социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры сервиса безопасности Санкт-Петербургского государственного противопожарного университета МЧС России

Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный противопожарный университет МЧС России

Университетская наб., 7-9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия; Московский пр., 149, г. Санкт-Петербург, 196105, Россия

elena1572009@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Novozhilova Elena Olegovna, Ph.D. in Biology, doctoral student at the Chair of Theory, Methodology and History of the Department of Sociology of Saint-Petersburg State University, Assistant Professor at the Chair of Security Service of Saint-Petersburg Fire State University of the Russian Ministry of Emergency Situations

Saint-Petersburg State University; Saint-Petersburg Fire State University of the Russian Ministry of Emergency Situations

Universitetskaya nab., 7-9, St. Petersburg, 199034, Russia; Moskovskiy av., 149, St. Petersburg, 196105, Russia

elena1572009@rambler.ru

Рецензент:

Карнаух Владимир Кузьмич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Западного института управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ